

Научная статья

УДК 614.2

doi:10.69541/NRIPH.2024.03.025

О клинической школе «святого доктора» Феофила Яновского (академики В. Н. Иванов, В. Х. Василенко и Б. Е. Вотчал) и о гаазовской традиции христианского гуманизма в отечественной медицине

*Владимир Иосифович Бородулин¹, Константин Константинович Васильев²,
Егор Николаевич Банзелюк³*

¹ФГБНУ «Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко» Минобрнауки России, 105064, г. Москва, Российская Федерация;

²Независимый исследователь;

³ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», факультет фундаментальной медицины, г. Москва, Российская Федерация;

³ФГАОУ ВО «Российский государственный национальный исследовательский университет имени Н. И. Пирогова», г. Москва, Российская Федерация

¹borodul1nvladim@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-8399-050X>

²vasilyevkk.odessa@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-8047-4104>

³banzeluk@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7239-8685>

Аннотация. К несомненным лидерам отечественной терапевтической элиты начала XX века относится киевский терапевт, академик Феофил Гаврилович Яновский — создатель крупной российской научной терапевтической школы. Кроме врачебных и научных заслуг, Ф. Г. Яновский вошел в историю как «святой доктор» — из-за своего врачебного подвижничества в духе традиции Ф. П. Гааза. Однако среди его учеников эта традиция продолжалась по-разному. В статье проводится сравнительный личностный анализ трех наиболее крупных представителей из традиционного состава этой школы: В. Н. Иванова, В. Х. Василенко и Б. Е. Вотчала.

Ключевые слова: Университет св. Владимира (Киев); клиника внутренних болезней в России (первая четверть XX века); научные клинические школы; Ф. Г. Яновский; В. Н. Иванов; В. Х. Василенко; Б. Е. Вотчал.

Для цитирования: Бородулин В. И., Васильев К. К., Банзелюк Е. Н. О клинической школе «святого доктора» Феофила Яновского (академики В. Н. Иванов, В. Х. Василенко и Б. Е. Вотчал) и о гаазовской традиции христианского гуманизма в отечественной медицине // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2024. № 3. С. 163—168. doi:10.69541/NRIPH.2024.03.025.

Original article

About the clinical school of the “holy doctor” F. G. Yanovsky: (academy members V. N. Ivanov, V. Kh. Vasilenko and B. E. Votchal) and about the Haass tradition of christian humanism in Russian medicine

Vladimir I. Borodulin¹, Konstantin K. Vasyliiev², Egor N. Banzelyuk³

¹N. A. Semashko National Research Institute of Public Health, 105064, Moscow, Russian Federation;

²Independent researcher;

³Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation;

³Pirogov Russian National Medical Research University, Moscow, Russian Federation

¹borodul1nvladim@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-8399-050X>

²vasilyevkk.odessa@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-8047-4104>

³banzeluk@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7239-8685>

Annotation. Famous physician from Kiev, member of Academy of Sciences, Feofil Gavrilovich Yanovsky, creator of a large Russian scientific medical school, undoubtedly belongs to the leaders of Russian therapeutic elite at the beginning of the 20th century. In addition to his medical and scientific achievements, F. G. Yanovsky went down in history as a «holy doctor» — because of his medical selfless devotion in the tradition of F. P. Haass. However, this tradition continued in different ways among his disciples. The article provides a comparative personal analysis of the three major representatives from the traditional composition of this school: V. I. Ivanov, V. Kh. Vasilenko and B. E. Votchal.

Key words: University of St. Vladimir (Kiev); the internal diseases clinic in Russia (the first quarter of the 20th century); scientific clinical schools; F. G. Yanovsky; V. N. Ivanov; V. Kh. Vasilenko; B. E. Votchal.

For citation: Borodulin V. I., Vasyliiev K. K., Banzelyuk E. N. About the clinical school of the “holy doctor” F. G. Yanovsky: (academy members V. N. Ivanov, V. Kh. Vasilenko and B. E. Votchal) and about the Haass tradition of Christian humanism in Russian medicine. *Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health*. 2024;(3):163–168. (In Russ.). doi:10.69541/NRIPH.2024.03.025.

Классик отечественной клинической медицины академик Феофил Гаврилович Яновский был одним из лидеров терапевтической элиты, сложившейся в России в первые десятилетия XX века. Он славился мастерством диагностики. Ему принадлежат выдающиеся труды по проблемам клинической бактериологии, туберкулеза, функциональной диагностики болезней почек, патологии органов пищеварения и вопросам совершенствования методов непосредственного исследования больного. Первым из советских клиницистов он был избран академиком (в АН Украины). Он создал крупную и яркую клиническую школу, которую без всяких на то научных оснований объединяют со школой Образцова в гипотетическую «киевскую терапевтическую школу». Главная причина необычайной популярности Ф. Г. Яновского заключалась в исключительно приятном нравственном облике этого врача; его жизнь и смерть достойно венчали традицию врачебного подвижничества, возникновение которой принято связывать с именем московского «святого доктора» Ф. П. Газа.

Традиционно прославленная клиническая школа Ф. Г. Яновского включает 12 профессоров; это — И. В. Базилевич, А. Б. Бернштейн, В. Х. Василенко, В. В. Виноградов, Б. Е. Вотчал, А. М. Зюков, В. Н. Иванов, А. Ф. Каковский, Ф. Я. Примак, В. Е. Ставраки, Б. С. Шкляр, В. Н. Яновский. Наиболее известны три ученика Яновского — академики В. Н. Иванов, В. Х. Василенко и Б. Е. Вотчал. В историко-медицинском плане особый интерес представляет сравнительный личностный анализ этих выдающихся клиницистов. Этому анализу и посвящена данная статья, базирующаяся не только на литературных, но и на архивных источниках, не публиковавшихся ранее.

В 1958 г. на кафедру факультетской терапии Киевского медицинского института был избран **Вадим Николаевич Иванов** (1892—1962): так в конце своей научно-педагогической карьеры он возглавил ту самую кафедру, которой с 1921 г. и до своей смерти в 1928 г. руководил его учитель Ф. Г. Яновский. Сын священника церкви Марии Магдалины (а его дед был дьяконом в Мариупольском уезде), В. Иванов родился в 1892 г. в Мариуполе, там же окончил Александровскую гимназию (1911), после чего поступил на медицинский факультет Университета св. Владимира (Киев), где ему преподавал врачебную диагностику (3-й курс, 1913/14 учебный год) и госпитальную терапию (5-й курс, 1915/16 учебный год) профессор Яновский. После выпускных экзаменов 6 апреля 1916 г. В. Иванов был «утвержден в степени лекаря с отличием»¹. Участник первой мировой войны, после демобилизации, с сентября 1918 г. В. Иванов — врач-экстерн, а с 1919 г. — штатный ординатор госпитальной терапевтической клиники²; с возвращением Яновского из Тавриче-

ского университета в Киев перешел к нему на кафедру факультетской терапевтической клиники, где продолжал работать и после смерти профессора; с 1923 г. — ассистент этой кафедры, с 1930 г. — старший ассистент, в 1931—1935 гг. — доцент. Одновременно с 1933 г. профессор В. Н. Иванов возглавлял кафедру факультетской терапии в Киевском производственном медицинском институте (с 1936 г. этот вуз стал 2-м медицинским институтом); в 1944 г. он возвратился в Киевский медицинский институт заведующим кафедрой терапии санитарно-гигиенического факультета; с 1951 г. он руководил кафедрой госпитальной терапевтической клиники, с 1958 г. и до конца жизни — факультетской терапевтической клиникой [1]. Его общественный статус определялся тем обстоятельством, что с конца 1940-х гг. он был для руководителей Украины основным врачом-консультантом. Свои религиозные чувства он не афишировал, неприятие советских порядков было глубоко спрятано.

По воспоминаниям профессора А. П. Пелешука³ (тогда — аспиранта) в первой половине 1930-х годов четкого распорядка работы у В. Н. Иванова не было, в большой мере в связи с его обязанностями консультанта 4-го Главного управления Наркомздрава УССР. Он был семейным врачом второго секретаря ЦК КП(б)У П. П. Постышева и консультировал многих других партийных и государственных руководителей Украины. Когда он, наконец, приезжал в клинику, то, прежде всего, проходил в кабинет главврача больницы водников (ныне Республиканская клиническая больница), на базе которой находилась кафедра, для решения неотложных хозяйственных и организационных вопросов, в том числе по строительству — во дворе больницы возводили двухэтажный лабораторный корпус. «Все врачи больницы выглядывали в окна, наблюдая за извозчиком, который терпеливо ждал профессора (часто несколько часов). Пойти домой никто не решался, потому что все мы хорошо помнили случай, когда аспирант Д. Ф. Чеботарев⁴ после суточного дежурства в 2 часа дня решил, наконец, пойти домой и в дверях встретился с Ивановым, который долго ему разъяснял разницу между больницей и департаментом, между врачом и чиновником, и что пропускать обход профессора никому не позволительно. Обходы часто начинались в 14—15 часов, а заканчивались в 17—18. Во время обходов профессор Иванов требовал, чтобы врач докладывал, не подсматривая в историю болезни, и знал не только своих, но и всех тяжелых больных в клинике. Это очень обогащало клинический опыт» [2, с. 39].

Как и Ф. Г. Яновский, Иванов сочетал интересы клинициста и патофизиолога: с 1953 г. он одновременно

¹ Гос. Архив г. Киева. Ф. 16. Оп. 465. Д. 17617. Лл. 1—39. Личное дело студента В. Н. Иванова.

² Гос. Архив г. Киева. Ф. 16. Оп. 465. Д. 4786. Лл. 18—21. Послужной список В. Н. Иванова.

³ Ученик В. Н. Иванова Анатолий Петрович Пелешук (1913—2010) в 1931—1935 гг. — студент Киевского медицинского института, был оставлен в аспирантуре под руководством В. Н. Иванова, в дальнейшем проф. Пелешук заведовал кафедрой госпитальной терапии. Автор «Воспоминаний киевского профессора медицины» (на украинском яз.), мы их цитируем в нашем переводе.

⁴ Речь идет о будущем директоре Института геронтологии академии АН УССР и АМН СССР Дмитрие Федоровиче Чеботареве.

менно заведовал отделением клинической физиологии Института физиологии АН УССР. В его основных клиничко-экспериментальных трудах получили развитие взгляды его учителя по проблемам физиологии и патологии желудка, принципам диетотерапии и по вопросам диагностики туберкулеза. В 1946 г. он был избран членом-корреспондентом, в 1953 г. академиком АМН СССР, в 1957 г. — академиком АН УССР.

В страшном 1937 году, когда знаменитого московского терапевта Д. Д. Плетнева перед его арестом громогласно обвинили в газете «Правда» в том, что он укусил грудь пациентки, и поднялся шум «единогласного осуждения», из киевской газеты пришли к В. Н. Иванову, чтобы взять соответствующее интервью. Он сказал: «Если то, что написала газета «Правда», является правдой, это ужасно...». Корреспондентка все поняла и ретировалась, а это высказывание известного профессора получило, конечно тихую, но широкую огласку. В не менее страшных 1952-53-м годах, когда по прямому указанию И. В. Сталина Министерство государственной безопасности формировало «дело врачей-вредителей», и ведущие клиницисты страны были обязаны озвучивать, подписывать обвинения в адрес своих коллег во всех смертных грехах, член академии В. Н. Иванов не скомпрометировал себя ни одним выступлением или подписанным письмом такого рода, доказав свою верность заветам учителя. В интервью, которое проф. Пелешук дал киевскому врачу и писателю Ю. Г. Виленскому, содержится исчерпывающая характеристика поведения Иванова в эти страшные месяцы: «Вадима Николаевича отличала удивительная пронизательность и почти безошибочная интуиция. Увидев, что с титульной страницы журнала «Клиническая медицина» исчезла фамилия его редактора В. Х. Василенко⁵, В. Н. Иванов заподозрил, что с ним, как и с другими известными врачами в Москве, происходит что-то неладное. Осторожное выяснение подтвердило, что готовится судебный процесс с их обвинениями. Вадим Николаевич не предполагал, что будет включен в этот список обреченных, его беспокоило другое: интуитивно он решил, что будет попытка использовать его авторитетное имя и что он должен заранее противостать этому собственными уловками. Он не отличался крепким здоровьем, гипертоническая болезнь и приступы стенокардии частенько напоминали о себе: они объективно давали основание укрыться в это непростое время в домашнем стационаре. Были соблюдены все формальности: велась история болезни, фиксировались показатели артериального давления, данные лабораторных исследований и электрокардиограммы.

Когда к нему пришли два сотрудника комитета госбезопасности, профессор заверил их, что понимает задачу помочь следствию, но отправиться в Москву для участия в работе экспертной комиссии

по рассмотрению действий обвиняемых врачей он не может в связи с плохим состоянием здоровья. Незванные гости ушли ни с чем, но через несколько дней представители ведомства вернулись с историей болезней «злоумышленников»: от Иванова требовалось только подписать акт экспертизы. Вадим Николаевич снова отказал в содействии работникам госбезопасности, заявив, что он совсем ничего не видит (частично это было правдой — он чувствовал себя плохо, у него поднялось артериальное давление), а подписывать заключение, не прочитав его, не имеет права. Конечно, он понимал, чем рискует, но совестью не поступился» [3]. После смерти Сталина и прекращения «дела врачей» на первом же научном терапевтическом форуме, по свидетельству Пелешука, академики и профессора, побывавшие «врачами-убийцами», благодарно приветствовали Иванова, некоторые обнимали его, ибо знали, с каким трудом ему удалось уклониться от участия в позорной экспертизе и тем самым сохранить человеческое достоинство.

Мы полагаем, что в середине 20-го столетия — с уходом из жизни ученика Ф. Г. Яновского В. Н. Иванова (1962) — закономерно потеряла свои яркие краски (эксплицитную выраженность) российская традиция врачебного христианского гуманизма, начало которой принято связывать с московским врачом Гаазом, у которого было два имени: Фридрих Йозеф и Федор Петрович. Потому что он был немец и католик, крещеный в купели Бад-Мюнстеральского католического собора, но почти полвека он прожил в православной Москве. Да так прожил, что стал одним из самых известных и любимых всем городом москвичей и заслужил народное прозвище: «святой доктор». Глазной врач и терапевт, главный врач Павловской больницы, военный хирург и бальнеолог, он прославился как главный врач московских тюрем своей неутомимой, упорной борьбой за права обездоленных, за облегченные кандалы, за улучшение питания арестантов и т. д. «У Гааза нет отказа» — знали все. «Торопитесь делать добро» — призывал он всей своей жизнью. Когда он умер (1853), его хоронила «вся Москва»: около 20 тысяч человек шли за гробом, в православных соборах, с согласия митрополита Филарета и вопреки обычаю, отпевали католика. История медицины сохранила нам славные имена многих врачей-гуманистов, отдававших себя подвижническому служению больному человеку. Среди них ученики С. П. Боткина В. А. Манассеин и Н. Я. Чистович (Петербург), киевский «святой доктор» академик Ф. Г. Яновский. Д. Д. Плетнев, бесспорный лидер советских терапевтов в первой половине 1930-х годов, в своем историческом исследовании «Русские терапевтические школы» (М.—Пг., 1923) с благоговением назвал имена харьковских врачей — гуманистов, живших не для себя, а для других: детского доктора В. А. Франковского и профессора-офтальмолога Л. Л. Гиршмана. Был свой «Гааз» и в Минске, где доктора Гинденбурга, немца, протестанта, прославившегося подвигами милосердия, хоронили тоже всем городом, и над его могилой держали прощаль-

⁵ На титульном листе «Клинической медицины» № 10 за 1952 г. указан главный редактор В. Х. Василенко, с № 11 за тот же год его уже нет и только с № 4 за 1953 г. снова появляется его фамилия.

ную речь и пастор, и раввин, и оба плакали навзрыд. Выдающиеся отечественные врачи следовали этим трудным путем христианского служения человеку: Н. Ф. Арендт и И. В. Буяльский (Петербург), М. Я. Мудров и Е. О. Мухин, Ф. И. Иноземцев и А. И. Поль (Москва) и многие другие. Эта традиция гуманистического христианского служения больному человеку была присуща русской медицине 19-го — начала 20-го столетий. Она резко пошла на убыль после октября 1917 г., когда в России прервалась связь времен и место христианской морали и общечеловеческих ценностей заняли классовый подход, принцип «государство (коллектив) — все, а личность — ничто», и началась борьба с религией, объявленной «мракобесием». В прежних исследованиях мы полагали, что условно можно принять деятельность Ф. Г. Яновского (Киев) и Н. Я. Чистовича (Петроград — Ленинград) за рубеж, после которого рассматриваемая традиция явно пошла на убыль. Наши новые материалы позволяют пересмотреть этот рубеж и продлить жизнь данной традиции еще как минимум на одно поколение. Об этом свидетельствуют деятельность и судьба ученика Яновского В. Н. Иванова. Понятно, что применительно к врачебной массе в целом случаи героического врачебного гуманизма были, есть и будут при любых сдерживающих тенденциях, но мы говорим о лидерах терапевтической элиты.

Два наиболее знаменитых, наряду с В. Н. Ивановым, ученика Яновского — академики В. Х. Василенко и Б. Е. Вотчал — вошли в терапевтическую элиту во второй половине XX века как выдающиеся московские врачи. В 1946 г. в члены-корреспонденты АМН СССР, наряду с учеником Г. Ф. Ланга А. Л. Мясниковым (Ленинград) и учеником Ф. Г. Яновского В. Н. Ивановым (Киев), был избран, по рекомендациям Н. Д. Стражеско и Г. Ф. Ланга, **Владимир Харитонович Василенко** (1897—1987). В 1930-е гг. он формировался как один из самых талантливых молодых исследователей-кардиологов под руководством Стражеско, работал у него в Киевском медицинском институте и в Институте клинической медицины; в 1935 г. был избран профессором Института усовершенствования врачей. Вместе со Стражеско в 1935 г. на XII Всесоюзном съезде терапевтов он предложил классификацию недостаточности кровообращения, которая оставалась общепринятой в отечественной клинической медицине XX века (в 1940 г. он защитил по этой теме докторскую диссертацию).

Вместе с тем, называя его учеником Стражеско, нельзя забывать про начало его врачебной и научной биографии, связанное с Ф. Г. Яновским. Василенко родился в семье украинского крестьянина, занимавшегося извозом в Киеве, и литовки (жмудинки) — домоправительницы киевского врача; крещен в Киево-Владимирском соборе. Среднее образование закончил во Владикавказской гимназии с серебряной медалью (1917), после чего поступил на медицинский факультет Киевского университета; окончил его в 1922 г.⁶ С 1923 г. Василенко работал ординатором клиники Яновского, под его руковод-

ством был аспирантом, а с 1926 г. научным сотрудником кафедры клинической медицины АН УССР — до смерти учителя в 1928 г. Характерна для школы Яновского тема первой диссертации Василенко: «Клиническое значение ароматических соединений мочи и крови при заболеваниях почек» (1926). На прямой вопрос об учителях Василенко и о его отношении к ним его вдова Тамара Иосифовна Карапетян в личной беседе дала одному из авторов этой статьи краткий, но исчерпывающий ответ: Яновский для Владимира Харитоновича — всегда с восхлещательным знаком, Стражеско — пиететное отношение, Образцов? — «но он его только хоронил»⁷. Подведем итог: вопреки общепринятым представлениям, Учителем врачевания, Учителем жизни был для Василенко Ф. Г. Яновский, Стражеско был научным руководителем, а Образцов — покойным классиком медицины.

В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. как главный терапевт 1-го Украинского фронта Василенко дошел до Берлина; затем был главным терапевтом Львовского (Прикарпатского) военного округа и одновременно заведовал (с 1944 г.) кафедрой факультетской терапии Львовского медицинского института. Стражеско очень хотел, чтобы его основной ученик вернулся в Киев, и писал ему во Львов: «Вы должны признать, что единственный из моих учеников, кто мог бы стать продолжателем моей деятельности, можете явиться только Вы» (письмо от 18 ноября 1947 г.). Однако ученик выбрал рискованное, но наиболее перспективное продолжение карьеры в Москве. Блестящий клиницист, он заведовал кафедрой пропедевтической терапии 1-го Московского медицинского института (с 1948 г.), был заместителем главного терапевта, а с 1950 г. главным терапевтом Лечсанупра Кремля, академиком (1957) и академиком-секретарем Отделения клинической медицины АМН СССР (1960—1966). В 1953—1987 гг. Василенко был главным редактором журнала «Клиническая медицина».

Первый директор созданного им НИИ гастроэнтерологии (1967—1973) и один из основоположников гастроэнтерологии в СССР, он никогда не был ни кардиологом, ни гастроэнтерологом в узком понимании этого термина — как истинный представитель клинической школы Яновского он был терапевтом самого широкого профиля. Современникам запомнились его врачебная мудрость, исключительное мастерство диагноста, склонность к философским обобщениям и афоризмам, сочная, образная речь, неиссякаемое чувство юмора, иногда принимавшего форму сарказма.

Арестованный одним из первых по «делу врачей» в 1952 г., он проявил большое мужество в застенках МГБ. Если В. Н. Виноградов и М. С. Вовси мудро сразу же подписали следственные протоколы, то Василенко, несмотря на все меры психического и

⁶ Гос. Архив г. Киева. Ф. 16. Оп. 465. Д. 16485. Лл. 1—23. Личное дело студента В. Х. Василенко.

⁷ Запись беседы с Т. И. Карапетян-Василенко от 20.6.1989 г. — в личном архиве В. И. Бородулина.

физического воздействия, долго отказывался их подписывать, вышел в 1953 г., потеряв больше 20 (а по другим источникам — 30!) килограммов живого веса, и не стал сводить счеты с теми сотрудниками, кто предал его. Вместе с тем, в «Воспоминаниях» А. П. Пелешука отмечено, что на первом после освобождения «врачей-убийц» научном терапевтическом форуме Василенко трудно было узнать — «бледный, осунувшийся, он ходил, хромая. ... Поздоровавшись со мной, он попросил передать профессорам — членам экспертной комиссии по этому делу, которые признали обвинения справедливыми, чтобы они не подходили к нему и не здоровались, ибо он не может подать им руки. “Как они меня, ученика Ф. Г. Яновского и Н. Д. Стражеско, признали убийцей?” — спрашивал он» [2, с. 52].

Вне работы академик Василенко руководствовался принципом «не путать работу с домом» и был окружен друзьями — художниками, киношниками, бардами. «После себя он оставил свыше 200 научных трудов, более 20 монографий и учебников, которые отражают энциклопедическую образованность автора, философский склад его ума, его талант врача и педагога» [4]. Он жил полнокровной разнообразной жизнью и был лишен той аскезы, элементов религиозного фанатизма, присущих Феофилу Яновскому и составлявших тайный смысл его подвижнической жизни. Если в Василенко и жили религиозные мотивы, он их скрывал. Пытаясь оценить его «психотип» и охарактеризовать общие принципы его поведения, проще всего сказать: «Так ведут себя порядочные люди».

Яркий представитель московской терапевтической элиты 1960-х годов **Борис Евгеньевич Вотчал** был потомственным дворянином, сыном известного киевского профессора-ботаника Е. Ф. Вотчала — из чешских колонистов; одного из основателей отечественной физиологии растений, академика АН Украины. Официальной биографией Б. Е. Вотчала пользоваться невозможно, поскольку она недостоверна, начиная с года и места его рождения. Вопреки многочисленным источникам XX в. на русском и на украинском языках, Борис Вотчал родился не в Киеве в 1895 г.: он рожден и крещен в 1897 г. в Российской империи, в посаде Ново-Александрия Люблянской губернии Царства Польского, ныне г. Пулавы в Польше (установлено К. К. Васильевым по метрическому свидетельству и другим архивным документам Гос. Архива г. Киева) [5]. В 1913 г. окончил 1-ю Киевскую гимназию и поступил на медицинский факультет Университета св. Владимира — этим исчерпываются вразумительные архивные материалы о Вотчале-студенте. Только в конце прошлого века его сестра, хирург московской больницы им. Боткина Вера Евгеньевна Вотчал-Словачевска рассказала, что во время Гражданской войны студент-медик Вотчал был зачислен в Вооруженные силы Юга России, после победы красных оказался в Крыму, был приговорен к расстрелу. Вероятно, его согласие на службу зауряд-врачом в Красной Армии, послужило причиной отмены приговора, но сам приговор продолжал висеть над ним дамокловым

мечом — в Советской России он не мог завершить образование и получить диплом врача. Помогли связи отца и Ф. Г. Яновского, у которого он работал экстерном в 1922—24 гг. и произвел сильное впечатление своими научно-техническими навыками. При содействии наркома здравоохранения Н. А. Семашко он был отправлен в научную командировку в Германию, где в 1924—1927 гг. получил врачебный диплом Гамбургского университета (1925), работал в клиниках фтизиатра-пульмонолога Л. Брауэра и терапевта-бактериолога Х. Шоттмюллера. С 1930 г., уже в Москве, Вотчал кратковременно был ассистентом созданной Р. А. Лурией кафедры терапии № 1 Центрального института усовершенствования (ЦИУ) врачей; затем работал ассистентом и доцентом (до 1938 г.) там же, но на кафедре терапии № 2, созданной Д. Д. Плетневым (в чем признаваться после ареста Плетнева было уже нельзя), а потом «прятался» в качестве старшего научного сотрудника терапевтической клиники М. П. Кончаловского в ВИЭМ, где в 1940 г. защитил докторскую диссертацию на тему влияния терапевтических агентов на периферическое кровообращение. В годы Великой Отечественной войны главный терапевт Волховского фронта, полковник Вотчал на машине попал под минометный и пулеметный обстрел, и его полевую сумку, в нарушение всех инструкций безопасности содержащую материал для служебного пользования (план местного наступления войск фронта), отбросило в болото. Он доложил о происшествии; шел 1942 г., советские войска терпели поражения, военные трибуналы в поисках предателей свирепствовали: его приговорили к 7 годам лишения свободы, с пребыванием в исправительно-трудовом лагере. Главный хирург Волховского фронта А. А. Вишневский выразил несогласие с приговором, обжаловал его и при поддержке главного терапевта Красной Армии М. С. Вовси и начальника Главного военно-санитарного управления Красной Армии Е. И. Смирнова добился пересмотра приговора, судимость была снята, в 1943 г. Вотчал вернулся на фронт с минимальным понижением в должности — не фронтовым, а армейским терапевтом.

Биография Вотчала похожа на мастерски сработанный детектив. Можно ли при этом удивляться деформациям этического, нравственного характера? Он запомнился современникам как человек исключительно высокой общей культуры, безупречного воспитания. По словам ректора ЦИУ врачей М. Д. Ковригиной, «Белая кость, голубая кровь, гвардейская выправка делали его похожим на полковника генерального штаба армии Российской империи». Он был умен и интеллигентен, доброжелателен и обаятелен.

И он был редкого таланта и масштаба исследователем, одним из основоположников в СССР пульмонологии и клинической фармакологии. Насчитывают около 250 печатных трудов Вотчала; ему выдано 11 авторских свидетельств на изобретения. Под его руководством были выполнены более 60 докторских и кандидатских диссертаций по медицинским

и техническим наукам. Он создавал свою научную школу терапевтов — пульмонологов, клинических фармакологов, кардиологов (Н. А. Магазаник, В. П. Жмуркин, М. Г. Слуцкий и др.), но после смерти учителя его школа не получила продолжения. Головокружительные сюжеты в его биографии помогают нам понять, почему столь очевидно запоздало его организационное оформление в состав терапевтической элиты: к середине 1960-х годов (избрание его в АМН СССР) его сверстники Василенко, Вовси, Мясников, Нестеров, Тареев давно были на ведущих ролях в клиническом отделении академии. Но в блестящей плеяде ведущих терапевтов того времени именно Б. Е. Вотчал, И. А. Кассирский и Е. М. Тареев олицетворяли собой тип врача-естествоиспытателя.

Терапевтическая клиника Вотчала широко занималась проблемами внутренней медицины. Общеизвестны его исследования венозного тонуса и периферического кровообращения в целом; он исследовал скорость кровотока, сконструировал первый отечественный плетизмограф. В течение четверти века Вотчал успешно разрабатывал проблемы создания новой медицинской техники. При этом он занимался самой разной техникой — от радиоизотопной (одним из первых в стране) и до совершенствования стетофонендоскопа [6]. Но мировое признание принесли ему два направления исследований: по клинической физиологии дыхания и по изучению возможностей лекарственной терапии у постели больного.

Сам Вотчал называл Яновского своим единственным учителем (на одном из международных симпозиумов он сказал: «Мой учитель Феофил Гаврилович Яновский — лучший из врачей, которых я знал»). Об этой связи свидетельствуют унаследованные Вотчалом оригинальные методы врачебного исследования (однопальцевая перкуссия, особое внимание к запахам и т. д.). Но две характерные для творчества Вотчала как зрелого ученого методологические черты, как пронизательно отметил его ученик В. П. Жмуркин, — стремление работать на стыке наук (например, клинической физиологии с ботаникой в трудах по клинической фармакологии) и явная доминанта физики (прежде всего, аэро- и гидродинамики) в постановке научных задач и выборе способов их решения — не были характерны для исследований Ф. Г. Яновского.

Вслед за своим патроном — генералом и академиком М. С. Вовси — Вотчал научился жить по принципу: «В наше время ничто не стыдно». Оба

они, как и официальный лидер советских терапевтов В. Н. Виноградов, являли собой образец «принципиальной беспринципности», хотя при этом Вотчал всю жизнь считал себя учеником «святого доктора». Из чего следует, что потомкам полезно помнить: ученики — живые, а значит и совсем разные люди, и наследие учителя они развивают каждый по-своему. Мы рассмотрели три разных психотипа среди ведущих последователей Ф. Г. Яновского. Если Вадим Николаевич Иванов и Владимир Харитонович Василенко, каждый в своем ключе, продолжали дело учителя, то выдающийся исследователь Борис Евгеньевич Вотчал и в своих исследованиях, и тем более на ухабистой дороге жизни, круто повернул с пути «святого доктора». Нам представляется, что нет оснований для традиционного его причисления к школе Ф. Г. Яновского.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Свінціцький А. С., Дзєман М. І., Шило Г. В. Феномен академічної школи Вадима Миколайовича Іванова. Київ; 2009.
2. Пелешук А. П. Спогади київського професора медицини. В кн.: Патріарх київської школи внутрішньої медицини Анатолій Петрович Пелешук. До 100-річчя від дня народження. Київ: Медкніга; 2013.
3. Віленський Ю. Г., Свінціцький І. А. Вадим Миколайович Іванов: велетень духу й науки. *Практикуючий лікар*. 2014;(2):91—95.
4. Голочевская В. С. Вспоминая Владимира Харитоновича Василенко (1897—1987). М.; 1997.
5. Бородулин В. И., Васильев К. К. Киевская клиническая школа академика Ф. Г. Яновского. РОИМ. Труды по истории медицины. Вып. 3. М.; 2018. С. 118—144.
6. Карпман В. Л. Роль Б. Е. Вотчала в развитии отечественного медицинского приборостроения. Доклад на конференции к 90-летию со дня рождения Б. Е. Вотчала. М.: ЦОЛИУ врачей; 1985.

REFERENCES

1. Svincic'kyj A. S., Dzeman M. I., Shylo G. V. The phenomenon of the academic school of Vadim Mikolayovych Ivanov. Kiev; 2009 (in Ukrainian).
2. Peleshchuk A. P. Memories of Kiev Professor of medicine. In: Patriarch of Kiev School of Internal Medicine Anatoly Petrovich Peleschuk, on the occasion of the centenary of his birth. Kiev: Medkniga; 2013 (in Ukrainian).
3. Vilens'kyj Ju. G., Svincic'kyj I. A. Vadim Mikolayovych Ivanov: giant of spirit and science. *Practicing physician. [Praktykujuchyj likar]*. 2014;(2):91—95 (in Ukrainian).
4. Golochevskaja V. S. Remembering Vladimir Kharitonovich Vasilenko (1897 — 1987). Moscow; 1997 (in Russian).
5. Borodulin V. I., Vasilyev K. K. Kiev clinical school of Academy member Feofil Yanovsky. ROIM. Opera medica historica. Iss. 3. Moscow; 2018. Pp. 118—144 (in Russian).
6. Karpman V. L. The role of B. E. Votchal in the development of domestic medical instrument making. Report at the conference on the 90th anniversary of the birth of B. E. Votchal. Moscow: COLIU vrachej; 1985 (in Russian).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024; одобрена после рецензирования 02.07.2024; принята к публикации 29.08.2024. The article was submitted 16.04.2024; approved after reviewing 02.07.2024; accepted for publication 29.08.2024.